

А. В. Ганин

ТАКТИКА ПОЛКОВНИКА
А. Д. СЫРОМЯТНИКОВА: РУССКИЙ
ОФИЦЕР НА СЛЕДСТВИИ
ПОЛИТЦЕНТРА И НКВД¹

Восьмидесятилетие «большого террора» и острая дискуссия по поводу тех трагических в истории нашей страны событий, а также столетний юбилей советских органов госбезопасности вызывают широкий общественный интерес к различным сторонам советской репрессивной практики. Открытие доступа к отдельным делам репрессированных второй половины 1930-х гг. позволяет изучить методы ведения следствия в разгар «большого террора», а также заполнить лакуны в биографических исследованиях (в частности, в отношении бывших офицеров русской армии, получивших высшее военное образование в Императорской Николаевской военной академии).

В конце марта 1938 г. в Москве по делу контрреволюционной офицерской организации был арестован бывший генерал-квартирмейстер Ставки адмирала А. В. Колчака Александр Дмитриевич Сыромятников (4.2.1886–27.8.1938). Мытарства этого офицера начались намного раньше. Первый раз его арестовали еще

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022-ОГН «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

в начале 1920 г. представители иркутского Политического центра, после перехода власти в городе к большевикам он оказался в плену у красных, в связи с участием в контрпартизанских операциях в Сибири привлекался к процессу над колчаковскими министрами, неоднократно бывал под судом и следствием, но по разным причинам счастливо избегал наказания. Однако в 1938 г. судьба распорядилась иначе. Кем же был этот человек? За что и каким образом пострадал?

Автор этих строк в конце 2017 г. получил доступ к материалам архивно-следственного дела 1938 г. в отношении Сыромятникова. Ранее удалось обнаружить следственные материалы по его же делу 1920 года. Два этих дела связаны между собой (как их основным фигурантом, так и канвой событий) и позволяют наряду с другими архивными материалами реконструировать пути, которые выбирал герой статьи для выживания в сложных жизненных обстоятельствах, в том числе под следствием. В целях спасения собственной жизни Сыромятникову приходилось изворачиваться, лгать, отказываться от прежних взглядов, товарищей и покровителей, искажать свою биографию. Если материалы первого дела позволяют оценить причастность Сыромятникова к контрпартизанским операциям белых в Сибири весной — летом 1919 г., то материалы второго дела в большей степени характеризуют репрессивную практику эпохи «большого террора». В совокупности же выявленные документы дают возможность реконструировать сложную и трагическую судьбу маленького человека (при этом сыгравшего определенную историческую роль) в водовороте социально- и военно-политических катаклизмов XX века².

² Биография Сыромятникова недавно подверглась определенным искажениям в статье В. В. Каминского (*Каминский В. В.* Двойные «перевертыши» в Корпусе Генштаба Красной Армии: подполковник А. Д. Сыромятников и его служебная карьера // *Новейшая история России.* 2016. № 1. С. 69–82). В частности, указывается, что Сыромятников в феврале — марте 1919 г. якобы являлся «генерал-квартирмейстером указанной армии (Колчака. — А. Г.)» (Там же. С. 72). На самом деле в тот период никакой единой армии Колчака не существовало, а должность генерал-квартирмейстера Ставки Сыромятников оставил еще в конце 1918 г. Кроме того, служебный путь офицера в этой публикации представлен как непрерывная погоня за должностными окладами, что не соответствует реальным обстоятельствам биографии офицера. Биографическую справку об А. Д. Сыромятникове, основанную на архивных документах, см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 535–536.

До 1917 г. биография А. Д. Сыромятникова мало отличалась от биографий других офицеров-генштабистов. Сыромятников родился в Санкт-Петербурге в семье инженера путей сообщения, происходил из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус (1896–1903), Михайловское артиллерийское училище (1905). После училища в чине подпоручика получил назначение в 51-ю артиллерийскую бригаду, позднее служил в 4-й резервной артиллерийской бригаде. В 1907 г. был произведен в поручики, в 1910 г. — в штабс-капитаны. В том же году поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, которую окончил в 1913 г. по 1-му разряду.

Среди однокашников по академии ему запомнились (согласно его показаниям в 1938 г., внесены уточнения) Ф. М. Афанасьев и В. А. Жилинский. Среди преподавателей: М. Д. Бонч-Бруевич, Л. Н. Гобято, Н. Н. Головин, А. Г. Елчанинов, А. А. Зейфарт, В. А. Златолинский, П. И. Измestьев, П. Д. Комаров, А. И. Медведев, Г. Г. Христиани, В. А. Черемисов, Н. Н. Янушкевич³. Эти имена он назвал на допросе 2 апреля 1938 г. Не упомянуты оказались некоторые видные деятели Белого движения, например В. О. Каппель. Встречались и ошибки памяти. Так, Н. Я. Капустин не был однокашником Сыромятникова, а лишь позднее служил вместе с ним в академии. Не удалось установить личности указанных в качестве однокашников Григорьева и Петровского. С Ф. М. Афанасьевым Сыромятников позднее служил в Омске и встречался в 1920 г. в Москве в академии Генштаба РККА. В академии же встретил и Н. Я. Капустина.

После выпуска из академии Сыромятников был направлен на службу в мобилизационный отдел штаба Казанского военного округа. Накануне Первой мировой войны служил в 49-й артиллерийской бригаде. В годы войны служил помощником старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии, старшим адъютантом штабов 41-й пехотной, 3-й Кавказской стрелковой дивизий и XIX армейского корпуса.

С февраля 1917 г. как заслуженный боевой офицер служил в Военной академии сначала в качестве и. д. штаб-офицера, заведующего обучающимися, а затем как руководитель практических занятий и штатный преподаватель военных наук. 2 апреля 1917 г. Сыромят-

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63250. Л. 11.

ников был произведен в подполковники. В академии офицер читал курс общей тактики, тактику артиллерии и стратегию, причем зарекомендовал себя с самой лучшей стороны⁴. В Петрограде в 1917 г. вышел курс лекций Сыромятникова «Наступление и оборона в условиях позиционной войны» (работа выдержала несколько переизданий, в том числе в 1919 г. была переиздана в Томске). Слушатели оставили ряд восторженных отзывов о Сыромятникове как о преподавателе. Так, Б. Э. фон Трейберг вспоминал о Сыромятникове, что это был «талантливый лектор, готовящийся к профессорскому званию и с весьма импозантной внешностью»⁵.

В 1913 г. Сыромятникова наградили орденом Св. Станислава 3-й ст., в 1914 г. он получил мечи и бант к этому ордену, кроме того, в 1914 г. удостоился орденов Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами. В 1916 г. последовало награждение орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами и Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом⁶. 30 сентября 1918 г. начальник Военной академии генерал А. И. Андогский ходатайствовал о производстве Сыромятникова в полковники за выслугу лет⁷. В конце 1918 г. Сыромятников действительно получил этот чин.

Судьба Сыромятникова в 1917 — начале 1919 г. оказалась связана с Военной академией, в которой он служил. В марте 1918 г. Сыромятникова откомандировали в Екатеринбург в качестве одного из квартирмейстеров академии, готовившейся к эвакуации в этот город из Петрограда⁸. В июне офицер ездил в Петроград и Петрозаводск для эвакуации семьи⁹. В конце июня — июле 1918 г. отправился в Москву, во французскую военную миссию, для информирования союзных представителей о стремлении академии бороться за союзное дело и передал записку профессора академии, генерал-лейтенанта М. А. Иностранцева о воссоздании Восточного фронта¹⁰.

⁴ Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии. С. 388.

⁵ Там же. С. 679.

⁶ ГА РФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. П-63250. Л. 31.

⁷ Там же. Л. 31об.

⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 194; Д. 4. Л. 364; ГА РФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 14; Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 286.

⁹ РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 41. Л. 136.

¹⁰ РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 5. Л. 2об.

Вновь к академии Сыромятников присоединился в Казани в августе 1918 г. После занятия города 7 августа 1918 г. частями Народной армии и чехословаками Сыромятников вместе с академией попал в антибольшевистский лагерь и был направлен в распоряжение управляющего военным ведомством Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания и занял пост начальника оперативного отдела Главного управления Генерального штаба¹¹. При деятельном участии Сыромятникова был разработан план обороны Поволжья от красных¹².

Осенью 1918 г. офицер получил назначение в Ставку генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева на должность вр. и. д. 1-го генерал-квартирмейстера при начальнике штаба Ставки генерал-лейтенанте С. Н. Розанове. Началась его политическая карьера. Находясь на этом посту, он сыграл видную роль в подготовке военного переворота в Омске 18 ноября 1918 г., в результате которого к власти пришел Верховный правитель адмирал А. В. Колчак¹³. В письме двум видным политическим деятелям белой Сибири И. А. Михайлову и В. Н. Пепеляеву от 14 апреля 1919 г. Сыромятников отмечал, что «наше общее стремление спасти пошатнувшееся при Директории дело возрождения России заставило меня войти в число трех главных организаторов ноябрьского переворота... на меня выпала задача организовать переворот в военном отношении и обеспечить нейтралитет союзников при перевороте»¹⁴. Поскольку адресаты письма также являлись активными участниками переворота, такое свидетельство нельзя считать преувеличением. Но вскоре после переворота в результате борьбы различных военно-политических группировок в Омске представители Военной академии, в том числе Сыромятников, были вынуждены покинуть Ставку и вернулись к основному месту службы¹⁵.

¹¹ РГВА. Ф. 40 214. Оп. 1. Д. 439. Л. 1 об.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 977. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

¹³ *Ильин И. С.* Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 206, 211; *Шишкин В. И.* К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1989. Серия Истории, филологии и философии. Вып. 1. С. 59–63.

¹⁴ *Шишкин В. И.* К истории колчаковского переворота. С. 60.

¹⁵ Сыромятников был удален из Ставки Приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 87 от 24 декабря 1918 г. (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 263).

Сыромятников, по воспоминаниям его знакомого офицера, «был веселый, умный человек с большим юмором. Несмотря на кажущийся иной раз легкомысленный характер, он был большой скептик и весьма пессимистически смотрел на белое движение: “Все это тех же щей, да пожиже влей — а ведь, дорогой мой, идет нечто новое — к старому-то возврата нет? Ну, посмотрим, что выйдет. Одно скажу вам наверняка — на союзников рассчитывать нечего”»¹⁶.

В январе 1919 г. академия возобновила учебный процесс в младшем классе 4-й очереди ускоренных курсов, который завершился к началу мая. 22 марта 1919 г. конференция академии утвердила тему диссертации Сыромятникова «Выжидательный бой», которую предполагалось подготовить за год¹⁷. Однако защитить диссертацию ему было не суждено. В этот же период Сыромятников имел возможность заниматься и иными направлениями военно-научной работы. В частности, совместно с другими преподавателями заканчивал разработку краткого курса тактики для школ прапорщиков¹⁸.

По завершении учебного процесса в академии офицер с 25 апреля 1919 г. был направлен в Красноярск в распоряжение уполномоченного Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, командующего войсками в Енисейской и части Иркутской губерний генерала С. Н. Розанова¹⁹. Там он занял пост начальника штаба при Розанове. Последний приобрел известность суровыми мерами по подавлению партизанского движения весной — летом 1919 г.

На этих территориях в Гражданскую войну возникли целые партизанские республики Тасеевская и Степно-Баджейская. Сибирские партизаны представляли собой серьезную угрозу для белого тыла. В силу близости Транссибирской магистрали как единственной линии снабжения колчаковских армий они регулярно совершали диверсии на железной дороге, срывая военные перевозки белых. На новом посту Сыромятникову приходилось принимать участие в руководстве карательными операциями против сибирских партизан, в том числе действуя совместно с чехослова-

¹⁶ Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак. С. 201.

¹⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1585. Л. 67.

¹⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 47–48.

¹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 303 об.

ками. Роль Сыромятникова в этих подавлениях была достаточно активной, хотя позднее он и пытался скрыть данное обстоятельство от эсеров и большевиков.

В ходе реабилитации жертв политических репрессий было выявлено письмо Сыромятникова министру внутренних дел В. Н. Пепеляеву из Красноярска о положении в Иркутской губернии, датированное 7 мая 1919 г. Тогда Сыромятников направил Пепеляеву копию своего доклада, приложенного к плану ликвидации восстаний в Енисейской части Иркутской губернии, который был представлен Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку. Письмо лишний раз свидетельствовало о доверительных отношениях Сыромятникова с министром финансов И. А. Михайловым и В. Н. Пепеляевым. Сыромятников писал Пепеляеву: «Очень хотелось бы с Вами лично побеседовать, т. к. многое сказать в письме нельзя»²⁰. По свидетельству Сыромятникова, «здесь, в Красноярске, ознакомившись при посредстве широкой контрразведки и документов, а, главное, донесений с внутреннего фронта, где идут бои в полном смысле этого слова, пришел к определенному убеждению, что происходящие здесь восстания — дело грязных рук не столько большевиков, сколько, главным образом, бывшей самарской учредилки, а также возможно, что и отправленных нами на станцию Чон-чунь членов Директории, а также полубольшевицких кооперативов, эсеров, эсдеков и евреев»²¹. Интересно, что в конце 1919 г., когда колчаковский фронт уже был разгромлен, Сыромятников сделал ставку именно на эсеров.

После того, как партизаны потерпели ряд поражений и оставили свои опорные пункты — села Тасеево и Степной Баджей, 18 июля 1919 г. С. Н. Розанов получил назначение на пост командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края. На новое место службы он взял и способного штабиста Сыромятникова, с которым сработался. Последний 20 августа 1919 г. был допущен к исполнению должности начальника штаба Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края²², которую занимал с 8 сентября по 19 ноября 1919 г. Однако в период антиколчаковского

²⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63250. Л. 32.

²¹ Там же.

²² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 333 об.

восстания во Владивостоке 17–18 ноября 1919 г., возглавленно-го генералом Р. Гайдой, Сыромятников неожиданно поддержал восставших и препятствовал подавлению этого выступления. Барон А. П. Будберг записал в дневнике 19 ноября 1919 г.:

«Розанов очень расстроен; выяснилось, что его любимый и доверенный начальник штаба Сыромятников находился в тайных сношениях с Гайдой, виделся с ним накануне выступления и только ожидал успеха восстания, чтобы перейти на его сторону... Вечером узнал о решении Розанова отчислить Сыромятникова и отправить его в Иркутск; если правда все то, в чем обвиняют С [ыромятникова], то с ним следовало расправиться, возможно, круче и беспощаднее, как с несомненным изменником и предателем. И ведь он был не один; чуть ли не половина офицеров штаба округа была готова последовать его примеру в случае успеха восстания. Понятна теперь та вялая позиция, которую занимал С [ыромятников] 17го и в ночь на 18^е»²³.

После такого демарша Сыромятников приказом Розанова был отчислен в резерв чинов. Фактически у Сыромятникова не было иного пути, как пойти на сотрудничество с антиколчаковской оппозицией — эсерами и чехословаками. И действительно офицер пошел на такое сотрудничество. В частности, он условился с чешским генералом С. Чечеком работать в направлении нейтрализации района, занятого чехами, для чего договорились о шифрованной переписке (шифрованная телеграмма была предъявлена следователю)²⁴. Чечек писал Сыромятникову 7 декабря 1919 г.:

«Многоуважаемый господин полковник!
Посылаю составленную специально шифру для сношений с Вами и прошу сообщить мне телеграфом после приезда на место Ваш адрес. Буду стараться передать Вам телеграммы через наши части.
Вас уважающий г[енерал]-м[айор] Чечек»²⁵.

²³ Архив Гуверовского института. А. Р. Budberg collection. Вох 1. Дневник. Л. 30 об., 33. Ранее неизвестное окончание дневника А. П. Будберга за конец 1919 — начало 1920 г. опубликовано в приложении к монографии автора этих строк «Семь “почему” российской Гражданской войны».

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 57. Л. 45.

²⁵ Там же. Л. 68.

В конце 1919 г. Сыромятников участвовал в закулисных переговорах с чехословаками и командующим Народно-революционной армией, одним из эсеровских лидеров, штабс-капитаном Н. С. Калашниковым. Сам Сыромятников позднее показал, что «вел сношения с чехами с одной стороны и с Н. С. Калашниковым с другой в целях обеспечения нейтралитета не сочувствовавших союзников, главным образом японцев, и обеспечения помощи восставшим со стороны чеховойск, и, таким образом, работал положительно на пользу восстания, происходившего под руководством Политического центра; в частности, я осведомлял Калашникова о положении дел в Забайкалье, препятствовавшем Семенову направлять сюда значительные силы, и давал Калашникову различные советы»²⁶. Затем Сыромятников сдался иркутскому Политическому центру, на признание заслуг перед которым, вероятно, рассчитывал.

Вопрос о роли Сыромятникова в карательных операциях белых впервые рассматривался на следствии в Иркутске в начале 1920 г. 7 января 1920 г. офицер был арестован Политцентром по решению уполномоченного этой организации Л. Я. Герштейна с зачислением за иркутской городской следственной комиссией и заключен в иркутскую губернскую тюрьму²⁷. 9 января его перечислили в ведение Чрезвычайной следственной комиссии²⁸.

10 января датировано ходатайство начальника управления по ликвидации имущества чехословацких войск майора Г. Косины, в прошлом обучавшегося у Сыромятникова в академии. Косина предлагал взять офицера на поруки. Это ходатайство представляет интерес с точки зрения оценки причастности Сыромятникова к карательным мероприятиям белых:

«Прилагая при [сем] сношение командующего Народно-Революционной армией штабс-капитана Калашникова прошу Вашего разрешения взять на поруки арестованного русской службы полковника Сыромятникова.

Ходатайство свое мотивирую полным и всесторонним знанием арестованного, как его характера, убеждений, так и деятельности.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 57. Л. 45–45 об.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 4; Д. 57. Л. 34.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 57. Л. 36.

Являясь офицером нового веяния, духа современного, безусловно, не бюрократ-реакционер полковник Сыромятников еще в бытность мою в Военной академии выделялся из среды остальных профессоров своими демократическими убеждениями и приобрел любовь и расположение не только чешских офицеров-академиков, но всех сознательных русских офицеров. К его голосу, мнению прислушивались все. Мне неоднократно приходилось слышать его споры и осуждения действий существовавшей власти и его называли “левым”.

Ставя с другой стороны высоко долг службы, полковник Сыромятников, насколько мог, боролся и возражал против различных несправедливостей, жестокостей и преступных деяний своего начальства, чем вызывал всегда недовольство как начальства, так и окружающих его реакционеров.

В частности могу указать на несколько лично мне известных слухов, подтверждающих вышеизложенное:

1) Будучи начальником штаба генерала Розанова в Красноярске, полк. Сыромятников получил приказание от первого арестовать известного эсера Колосова за агитацию среди чехов. Полк[овник] Сыромятников не исполнил это приказание, и Колосов оставался на свободе.

2) Ген[ерал] Розанов и пользующийся влиянием над ним капитан Крашенинников решили всех политических посадить на баржу, отправить в Тур[у]ханский край и утопить. Полк. Сыромятников возражал на это, вызвав тем самым огромное неудовольство, добился в конце концов того, что арестованные политические остались на местах.

3) В период восстания военных в Красноярске (кажется, в сентябре [1919 г.]) состоящий в штабе кап[итан] Думбадзе хотел без ведома полк[овника] Сыромятникова взорвать тюрьму, но, узнав об этом адском замысле, полк[овник] Сыромятников не допустил того.

4) В момент подавления указанного восстания произведенным по приказанию ген[ерала] Розанова самым суровым образом, войск[овым] старшиной Розановым и кап[итаном] Крашенинниковым полк[овник] Сыромятников неоднократно противодействовал беспощадным и зверским мерам указанных лиц, чем опять-таки вызвал массу нареканий и неудовольства на себя.

5) В бытность свою во Владивостоке полк[овник] Сыромятников в присутствии нашего генерала Чечек отменил приказание ген[ерала] Розанова стрелять из артиллерии по восставшим.

6) Являясь сторонником ген [ерала] Гайды, полк[овник] Сыромятников не препятствовал переходу на сторону ген[ерала] Гайды воинских чинов и, как только мог, способствовал тому.

7) Совершенно без ведома полк[овника] Сыромятникова, уже давно пользовавшегося недоверием у ген[ерала] Розанова, последний выпровоцировал ген[ерала] Гайду на восстание, обещая ему переход на его сторону со всеми войсками и в то же время принимая меры к ликвидации восстания.

Полк[овник] Сыромятников категорически отказался от участия в подавлении восстания, результатом чего был полный разрыв с ген[ералом] Розановым.

8) Не соглашаясь с ген[ералом] Розановым в вопросе об действиях и способе их осуществления при подавлении восстания во Владивостоке, полк[овник] Сыромятников заявил генерал-квартирмейстеру полк[овнику] Смирнову о своем решении уйти с занимаемой должности, пришедший после чего ген[ерал] Розанов скандальным образом упрекал полк[овника] Сыромятникова в бездействии и грозил преданием суду, что, однако, не выполнил, надо полагать, благодаря опасения[м] быть уличенным полк[овником] Сыромятниковым, что рано или поздно бы случилось и без того.

Подавлением восстания, кроме ген[ерала] Розанова, руководили генерал-квартирмейстер полк[овник] Смирнов и кап[итан] Крашенинников. Полк[овник] Сыромятников участия в этом деле не принимал.

9) Для суда над арестованными полк[овник] Сыромятников добился назначения председателем суда гуманного полк[овника] Попова, которому дал инструкцию возможно меньше, если не совсем, вынести смертных приговоров.

Своими поступками полк[овник] Сыромятников вооружил против себя решительно всех реакционеров, которые приняли меры в выселении и удалении его в 3^х дневный срок на фронт из Владивостока, и полк[овник] Сыромятников не считал безопасным жить в городе и находился на вокзале. Частным примером того служит выдержка из письма к нему начальника разведывательного отд[еления] штаба Приамурского в[оенного] о[круга] кап[итана] Думбадзе, которую прилагаю.

Прибыв в Иркутск, полк[овник] Сыромятников неоднократно изъявлял желание предложить свои услуги производящим переворот революционерам, и только происходившие события, не дававшие

возможность найти главных руководителей лицу что ли не посвященному, воспрепятствовали на первое время тому.

Позже всячески старался работать в пользу заключения гражданского мира и обеспечения успеха переворота.

В частности, посетил до вступления его в Иркутск в дни боев кап[итана] Калашникова.

Лично неоднократно беседовал со мной о желании еще до окончания переворота предложить революционной армии свои услуги и участвовать в переговорах о заключении гражданского мира, но только обстоятельства Вам известные уже воспрепятствовали тому»²⁹.

Косина отмечал, что Сыромятников, «безусловно, не враг своему народу», и просил принять во внимание болезнь его супруги³⁰.

Заявление Косины о неподчинении Сыромятникова приказам подтверждалось письмом Сыромятникову от начальника разведывательной части штаба Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края капитана Думбадзе, в котором содержались резкие обвинения:

«До тех пор, господин полковник, пока о Вас говорит офицерство, предъявляющее Вам ряд обвинений и пока эти обвинения не будут Вами смыты официальным путем, судом или в печати, я не имею нравственного права перед своей Родиной и памятью положивших жизнь в бою при подавлении восстания Гайды не только поддерживать с Вами знакомство, но даже обижаться на заявления Вашей супруги.

Готовый к услугам капитан Думбадзе»³¹.

На допросе Косина подтвердил свои слова:

«Сыромятникова я хорошо знаю. Сведения, изложенные в заявлении, мною почерпнуты из неоднократных бесед с полк. Сыромятниковым и его супругой задолго до его ареста, когда у меня не возникало никаких сомнений в его искренности. Знаю я также

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 57. Л. 37–38 об.

³⁰ Там же. Л. 38 об.

³¹ Там же. Л. 39, 75.

деятельность Сыромятникова в Енисейской губернии на основании служебных с ним сношений, т. к. я был начальником штаба Канско-Тулунской группы.

О роли Сыромятникова во Владивостоке мне известно также из чешских официальных донесений.

Репутация Сыромятникова как офицера новой формации и демократических убеждений установилась еще в академии, где я его знал [с] 20 января по 1 мая 1919 г.»³².

Косина предлагал увезти Сыромятникова из Иркутска под личным наблюдением. Штабс-капитан Калашников не видел препятствий к освобождению Сыромятникова на поруки Косины³³.

11 января 1920 г. Сыромятникова допросили³⁴. Офицер избражал себя борцом с монархией, убежденным демократом, скрыл от следствия свою активную роль в омском перевороте и приходе к власти Колчака, а свое удаление из Ставки в конце 1918 г. представил не как результат подковерной борьбы офицерских группировок, а как итог преследований за убеждения.

Из показаний можно было понять, что Сыромятников якобы всячески противился назначению начальником штаба к генералу Розанову³⁵. А после назначения активно протестовал против суровых приказов. В частности, Сыромятников уверял следствие, что

«сейчас же, после приезда в Красноярск, мною было опротестовано существование созданного Розановым института заложников, который по моему настоянию отменен, и который до этого приводил к массовому истреблению политических заключенных в порядке личного выбора капитана Крашенинникова по спискам заключенных; также по моему настоянию был отменен приказ о расстреле без суда и [о] сжигании селений, жители которых подозревались в поддержке красных; также мне удалось спасти красноярских заключенных (политических), которых Розановым и Крашенинниковым предполагалось посадить на баржу для отправки

³² ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 57. Л. 41.

³³ Там же. Л. 40.

³⁴ Протокол допроса опубликован С. В. Дроковым по копии с рядом неточностей (Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009. С. 220–225). Далее мы цитируем рукописный подлинник показаний.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 57. Л. 43 об.

в Туруханский край и по дороге затопить, симулируя катастрофу, только угроза не остановиться перед разоблачением этого плана с моей стороны не допустила осуществления этого преступного замысла»³⁶.

Чтобы проверить эти заявления, Сыромятникова оставили под стражей. 16 января свидетель прапорщик В. А. Козлов высказал свое предположение об истинных мотивах офицера: «Полагаю, что для Сыромятникова как человека дальновидного положение дел было ясно и говорило не в пользу власти Колчака, он видел, что власть падает и старался заготовить себе пути к отступлению. Этим и объясняется его уход в отставку после подавления восстания во Владивостоке»³⁷.

Однако надежды Сыромятникова на эсеров не оправдались. После перехода 23 января 1920 г. власти в Иркутске от Политцентра к большевистскому Военно-революционному комитету офицер автоматически оказался в плену у красных. В начале февраля 1920 г. супруга Сыромятникова во время свидания записала под диктовку мужа его заявление командиру Восточно-Сибирской советской армией Д. Е. Звереву:

«В средних числах декабря 1919 года я приехал в Иркутск, где, зная о готовившемся перевороте, остался для того, чтобы предложить народу свою услугу, в его борьбе с реакцией и колчаковцами. Для этой цели я по личной инициативе пришел в Политический центр, но здесь был арестован и препровожден в тюрьму. Между тем, зная, что народному делу грозит опасность со стороны японцев и семеновцев, беру на себя смелость просить Вас освободить меня, дабы я мог принести пользу общему делу»³⁸.

Командарм просил ускорить следствие, а 21 февраля Сыромятникова освободили под подписку о невыезде. Решение приняли председатель Сибревкома И. Н. Смирнов и председатель Чрезвычайной следственной комиссии С. Г. Чудновский³⁹. До-

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 57. Л. 43 об. — 44.

³⁷ Там же. Л. 42 об.

³⁸ Там же. Л. 52.

³⁹ Там же. Л. 53.

прошенный 26 марта 1920 г. лектор Народного университета Н. Я. Быковский показал, что Сыромятников не причастен к расстрелам, а другой допрошенный в тот день, бывший управляющий Енисейской губернией Г. Г. Бондарь, отметил, что Сыромятников при генерале Розанове играл роль сдерживающего элемента⁴⁰. По совокупности свидетельств, возможно, Сыромятников таковым и являлся.

26 мая 1920 г. Сыромятников был допрошен как свидетель на процессе над колчаковскими министрами. Суд интересовал вопрос о карательных действиях колчаковцев в Енисейской губернии и Приамурской области. Сыромятников отметил, что наиболее жестокие антипартизанские приказы о сожжении деревень издавались Розановым до его прибытия в Красноярск, а «с моим приездом такие приказы были отменены»⁴¹. 24 июня 1919 г. с этой целью был издан приказ № 215. По поводу расстрелов заложников Сыромятников сообщил, что ему известно лишь о нескольких таких случаях. При этом о реальных масштабах подавлений Сыромятников якобы сведений не имел. Кроме того, он совершенно исказил свою роль в период выступления Р. Гайды во Владивостоке. За службу у белых в 1920 г. Сыромятников был судим Верховным судом РСФСР, но виновность офицера установлена не была.

Советский период жизни Сыромятникова остается наименее изученным. В 1920 г. бывший полковник поступил в Красную армию. Служил начальником Высшей военной школы Сибири. С 1 декабря 1921 г. стал штатным преподавателем академии Генштаба РККА, позднее — старшим руководителем по тактике Военной академии РККА. Как отмечалось в аттестации за 1922 г., Сыромятников, читавший курс общей тактики, «возбудил интерес к своему курсу среди слушателей»⁴².

В 1923 г. Сыромятников был арестован за службу у белых, в том числе за руководство контрпартизанскими операциями в Сибири. В октябре 1923 г. его судила Военная коллегия Верховного суда СССР⁴³. Приговорен он был к пяти годам лагерей, однако с уче-

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 57. Л. 56–57.

⁴¹ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 254. Подробнее об этих приказах С. Н. Розанова см.: Там же. С. 581–582, 610–611.

⁴² РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186. Л. 14.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 462.

том полезной работы подсудимого в РККА суд нашел возможным считать наказание условным⁴⁴.

В 1924–1928 гг. преподавал в Высшей военной школе педагогов. Служил начальником Военно-химической школы. В 1929 г. выбыл в резерв и затем в запас. В советское время Сыромятников выпустил целый ряд специализированных военно-научных трудов: «Тактика артиллерии: Конспект лекций» (М., 1923), «Прикладная тактика современной артиллерии» (Харьков, 1924), «Тактическое применение химических средств в бою» (М., 1925), «Железные дороги и неприятельский воздушный флот (Обеспечение работы железных дорог в сфере действия неприятельского воздушного флота)» (М., 1926), «Прикладная тактика артиллерии» (М. ; Л., 1927), «Действия на стыках» (М. ; Л., 1927), «Действия войск ночью» (Л., 1927), «Химическая война» (М. ; Л., 1927), «Химическая борьба» (М. ; Л., 1928), «Наступление» (М. ; Л., 1928), «Оборона» (М. ; Л., 1928), «Осветительные средства в бою» (М. ; Л., 1928), «Огневая, дымовая и газовая завесы» (М. ; Л., 1927; 1928), «Прорыв, его развитие и парирование» (М. ; Л., 1928), «Войсковая артиллерия» (М. ; Л., 1928), «Огневое отделение в бою» (М. ; Л., 1930), «Работа отделений тяги и питания» (М. ; Л., 1930), «Учебник тактики артиллерии» (М. ; Л., 1930). Некоторые из этих работ издавались в популярных сериях отдела военной литературы Госиздата, таких как «Библиотека командира», «Библиотека младшего командира» и «Библиотека красноармейца». Кроме того, Сыромятников печатался в военно-научных журналах («Война и революция», «Военная мысль»). Даже в советское время Сыромятников был отнесен к числу крупных советских военных теоретиков межвоенного периода. Его работа «Прорыв, его развитие и парирование» оценивалась как основанный на большом историческом материале труд, в котором прослеживалась история развития тактических форм организации прорыва позиционного фронта⁴⁵. На допросе в 1938 г. Сыромятников отметил, что вел «различную научную и изобретательскую работу по заданию военных организаций»⁴⁶. Сыромятников также

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63 250. Л. 39–39 об.

⁴⁵ Вопросы тактики в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1970. С. 66.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63 250. Л. 14.

преподавал военное дело в 1-м МГУ и в 1938 г. работал в учреждениях наркомата обороны СССР.

В марте 1938 г. в 3-м отделе управления государственной безопасности (УГБ) управления НКВД (УНКВД) по Московской области была составлена справка о вскрытии работниками отдела контрреволюционной офицерской организации, в которую входили бывшие белые офицеры. Организация якобы ставила своей задачей вооруженную борьбу против советской власти. Одним из членов организации, как утверждали составители справки, начальник 5-го отделения 3-го отдела УГБ УНКВД по Московской области лейтенант госбезопасности А. И. Постель и начальник 3-го отдела капитан госбезопасности И. Г. Сорокин, являлся А. Д. Сыромятников — бывший колчаковский офицер и генерал-квартирмейстер Ставки Колчака, принимавший, по мнению работников НКВД, «участие в эсеровском движении»⁴⁷. Справку, являвшуюся документом на арест Сыромятникова, 27 марта 1938 г. утвердил заместитель наркома внутренних дел СССР и одновременно начальник УНКВД по Московской области комиссар госбезопасности 1-го ранга Л. М. Заковский.

29 марта 1938 г. Сыромятникова арестовали и заключили в Таганскую тюрьму. На момент ареста он проживал с женой Александрой Петровной, 23 лет, и двумя дочерьми трех лет и одного года. Кроме того, у Сыромятникова от предыдущего брака остались дочери Евгения, 16 лет, и Валерия, проживавшие на станции Ухтомская⁴⁸. При обыске были изъяты паспорт, военный и профсоюзный билеты, бланки с печатями, две карты и переписка⁴⁹.

Первый и самый благожелательный для арестованного допрос провел оперуполномоченный 3-го отдела УГБ УНКВД по Московской области Я. Г. Лысенков. Сыромятникова не допросили о его деятельности в белой Сибири и, в частности, об участии в омском перевороте 18 ноября 1918 г. Между тем, такие показания представляли бы значительный интерес для исследователей. Сразу после первого допроса следствие сосредоточилось на фаб-

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63250. Л. 1.

⁴⁸ Первой супругой Сыромятникова была баронесса Екатерина Михайловна фон Аделунг.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63250. Л. 4.

рикации дела о причастности Сыромятникова к мифической организации польских националистов.

В заполненных после ареста анкетах и протоколах по роду занятий Сыромятников называл себя военным педагогом. Пребывание у белых он характеризовал как пленение, а службу там именовав военно-педагогической. На допросе даже заявил, что якобы «под большим напором и угрозами о моем расстреле в случае отказа от работы в пользу белой армии я дал свое согласие служить белой армии Колчака»⁵⁰. В действительности белым он служил осознанно, добровольно и активно. Свое возвращение в ряды РККА арестованный также представил в искаженном виде: «В период эвакуации Колчаком военной школы из Казани вглубь Сибири я отказался поехать и был посажен в иркутскую тюрьму, где просидел около 3^х месяцев и с приходом красных частей был освобожден»⁵¹. Разумеется, свои попытки заигрывать на рубеже 1919–1920 г. с эсерами Сыромятников не затронул.

Механизм фабрикация дела сотрудниками НКВД виден из дальнейших протоколов. По делу Сыромятникова был допрошен уроженец Варшавы, бывший педагог отдела подготовки Московского городского и областного педагогических институтов, бывший полковник старой армии К. И. Болдескул, 1878 года рождения, арестованный в феврале 1938 г. 4 апреля 1938 г. Болдескулу неожиданно решил дать дополнительные показания. Он отметил, что «на предыдущих допросах я упустил, что в начале 1937 г. мною был завербован в польскую к[онтр]р[еволюционную] националистическую организацию Сыромятников Александр Дмитриевич, быв[ший] полковник царской и белой армий»⁵². Показательно не только внезапное озарение Болдескула после ареста Сыромятникова, но и путаница в датах вербовки — начало 1937 г., а буквально через страницу — май 1937 г.

Сыромятникова Болдескул знал по Первой мировой войне, когда тот служил в XIX армейском корпусе. Новая встреча состоялась в Москве в 1921 г., после чего прежние товарищи по службе поддерживали связь вплоть до 1937 г. Болдескул показал: «Из неоднократных бесед с Сыромятниковым я убедился в том, что Сы-

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63250. Л. 16.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 17.

ромятников является злейшим врагом Советской власти, восхвалял жизнь при царской власти, распространял всевозможные клеветнические измышления о жизни в СССР и мечтал о восстановлении капитализма в СССР, в то же время маскируясь под маской советского педагога»⁵³.

Сам Болдескул заявил, что был завербован в польскую организацию сотрудником московской милиции Ф. С. Якубовским. Какое отношение к полякам имел великоросс Сыромятников, не пояснялось. Затем при встрече на Гоголевском бульваре Болдескул якобы завербовал Сыромятникова, а позднее связал его с членом организации бывшим помощником начальника 50-го отделения милиции И. К. Главацким. Якубовский на очной ставке с Болдескулом 15 мая 1938 г. отрицал принадлежность к какой-либо контрреволюционной организации и 17 мая был освобожден⁵⁴, однако на исход дела Сыромятникова это никак не повлияло.

4 апреля 1938 г. стал дополнительно признаваться и И. К. Главацкий, который «просил вызвать меня (Главацкого. — А. Г.) на допрос для уточнения ранее данных мною показаний и дачи дополнительных показаний»⁵⁵. Как и Болдескул, Главацкий «в своих показаниях забыл сообщить о том, что участниками к[онтр]р[еволюционной] националистической польской организации являлись Сыромятников Александр Дмитриевич и Савченко Алексей Федорович»⁵⁶. Далее были повторены слова Болдескула. Главацкий добавил, что «Сыромятникова мы рассчитывали использовать во время восстания для руководства штабом восстания как большого военного специалиста. Кроме того, Сыромятников имел доступ к секретным материалам военного характера как научный сотрудник ряда военных издательств и преподаватель военных академий»⁵⁷. Якобы через Сыромятникова были получены и переданы некоему Струку секретные сведения о новинках вооружения РККА, о моральном и политическом состоянии слушателей и преподавателей военных академий Москвы. Главацкий постановлением тройки НКВД СССР от 31 мая 1938 г. был приговорен к расстрелу. Еще одним доказательством фальсификации следственных материалов является то, что Сыромятников в де-

⁵³ Там же. Л. 17 об. — 18.

⁵⁴ Там же. Л. 41–42, 51.

⁵⁵ Там же. Л. 20.

⁵⁶ Там же. Савченко виновным себя не признал (Там же. Л. 43).

⁵⁷ Там же. Л. 21.

ле Главацкого даже не фигурировал, и подлинника протокола допроса Главацкого, представленного в виде машинописной копии в деле Сыромятникова, не обнаружено⁵⁸.

5 апреля повторно допросили Сыромятникова. Выдвинутые клеветнические обвинения оказались для последнего, видимо, полной неожиданностью. Сыромятников отрицал свою причастность к антисоветской деятельности, а допрашивавший его помощник оперуполномоченного 5-го отделения 3-го отдела УГБ УНКВД по Московской области Афанасьев настаивал на признаниях⁵⁹.

Виновным Сыромятников себя не признал, но это не смутило следствие. На пике массовых операций признательных показаний арестованных, как показал анализ дела Сыромятникова, не требовалось. Загруженные потоком дел следователи не особенно старались маскировать фальсификации. Для решения участи Сыромятникова оказалось достаточно выбитых показаний Болдескула и, видимо, сочиненных следователем показаний Главацкого. Лейтенант Постель оперативно составил обвинительное заключение на Сыромятникова, обвинявшего в шпионской, контрреволюционной и террористической деятельности по статье 58-11 УК РСФСР. Никаких других обвинительных материалов или улик в деле не имелось.

Фото Сыромятникова из расстрельного дела оставляет тяжелое впечатление. На снимках в фас и в профиль можно видеть одетого в выдавшие виды пиджак и рубашку, небритого, усталого и измученного человека, в котором трудно признать некогда импозантного штаб-офицера старой армии.

Постановлением внесудебного органа — тройки НКВД СССР — от 29 июля 1938 г. (протокол № 1239) Сыромятников был приговорен к расстрелу. Фактически же решение выносила не тройка, а двойка — Нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов и Прокурор СССР А. Я. Вышинский. Сыромятников оказался в списке приговоренных семидесятым⁶⁰. Приговор был приведен в исполнение 27 августа 1938 г.⁶¹ Прах Сыромятникова покоится на Бутовском полигоне.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63250. Л. 20–21, 45.

⁵⁹ Там же. Л. 19–19 об.

⁶⁰ Там же. Л. 53.

⁶¹ Там же. Л. 24.

В 1939 г. Болдескул от прежних признаний отказался, сообщив, что ранее давал показания «вследствие применения к нему мер физического воздействия»⁶², отказался он и от показаний на Главацкого, Сыромятникова и Якубовского, «данных им под физическим воздействием, в результате которых он получил психическую травму»⁶³. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 26 июля 1939 г. Болдескул был выслан на пять лет в Казахстан и по дороге скончался⁶⁴.

После смерти Сталина начался процесс реабилитации жертв политических репрессий. Вдова расстрелянного, А. П. Федеряева, 13 сентября 1954 г. обратилась к председателю Президиума Верховного Совета СССР Маршалу К. Е. Ворошилову с заявлением о реабилитации мужа:

«Дорогой Климент Ефремович!

Мой муж — Сыромятников Александр Дмитриевич, 1886 года рождения, был арестован в марте м[еся]це 1938 года в Москве (1^й Кирпичный пер., д. 26, к. 2).

У меня осталось 2^е детей: дочь 1934 г. рождения и дочь 1937 г. рождения.

Мы совершенно не знаем, за что пострадал Сыромятников. Мне тогда было 23 года, в совместной жизни я прожила с ним 4 года, дети остались совсем маленькими.

Но тень от его ареста до сих пор падает на нас, особенно на детей, которые сейчас уже совершеннолетние, учащиеся институтов.

Я очень бы хотела знать, виновен ли Сыромятников перед советским народом, а если виновен, то несем ли мы за него ответственность?

Жив ли он? Где находился, ибо я от него с момента его ареста никаких известий не получала»⁶⁵.

Это обращение инициировало бюрократический механизм проверок. Сотрудниками КГБ при Совете министров СССР были запрошены архивные документы о Сыромятникове. Как выяс-

⁶² Там же. Л. 41.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 42.

⁶⁵ Там же. Л. 27.

нилось, следователь Х. К. Кайтов, участвовавший в фабрикации дела, был уволен из органов НКВД в 1940 г. за фальсификацию дел на бывших работников московской милиции⁶⁶. Были осуждены за фабрикацию дел также А. И. Постель (арестован 9 января 1939 г., 1 апреля 1940 г. приговорен к 15 годам лишения свободы, освобожден 8 апреля 1952 г.⁶⁷) и И. Г. Сорокин (арестован 16 сентября 1938 г., 13 августа 1939 г. приговорен к расстрелу, не реабилитирован⁶⁸). 7 апреля 1956 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР прежний приговор в отношении Сыромятникова был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления⁶⁹. 25 апреля 1956 г. с этим определением была ознакомлена вдова Сыромятникова, получившая справку о прекращении дела⁷⁰.

На примере дела А. Д. Сыромятникова четко виден механизм фабрикации следственных материалов на пике «большого террора», когда для вынесения расстрельного приговора уже не требовалось даже признательных показаний подследственного, а фабрикация дела особенно не скрывалась. Показания «свидетелей» либо выбивались в результате «мер физического воздействия», либо сочинялись сотрудниками НКВД. Один из «свидетелей» по делу Сыромятникова позднее признал, что оговорил его в результате побоев; подлинника показаний другого свидетеля не существует, что позволяет считать эти показания вымышленными. На основе двух таких показаний внесудебным решением Н. И. Ежова и А. Я. Вышинского Сыромятников был приговорен к расстрелу в числе десятков других.

Реальная причастность офицера к карательным операциям колчаковцев против сибирских партизан весной — летом 1919 г., его роль в омском перевороте и в Белом движении в целом следствии совершенно не интересовала (к тому же «большой террор» не обошел стороной и бывших партизанских лидеров). Однако такая деятельность Сыромятникова активно интересовала

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63250. Л. 48, 51.

⁶⁷ Жуков А. Н. Кадровый состав органов государственной безопасности СССР 1935–1939 гг. Справочник. Электронное издание. М., 2016.

⁶⁸ Там же; Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 390.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63 250. Л. 56–56 об.

⁷⁰ Там же. Л. 57.

следствие по его делу в 1920 г. Материалы расследования и показания самого Сыромятникова, а также тех, кто дал показания в его пользу, представили офицера демократом и либералом, пытавшимся бороться с жестокостями («офицера новой формации и демократических убеждений»). На наш взгляд, основания для таких утверждений достаточно зыбкие и во многом связаны с заигрыванием Сыромятникова на рубеже 1919–1920 г. с антиколчаковской оппозицией в лице старших офицеров чехословацких войск в Сибири и представителей эсеров. При этом полностью исключать какие-то попытки Сыромятникова противостоять реализации жестоких контрпартизанских приказов нельзя. И все же принадлежность Сыромятникова к активным участникам омского переворота 18 ноября 1918 г. не дает оснований считать его сторонником мягких решений. Кроме того, очевидны попытки Сыромятникова уклониться от ответственности за свои действия в 1919 г., для чего офицер не избегал прямой лжи и искажения своей реальной роли в событиях Гражданской войны. Как бы то ни было, все эти действия офицера характеризуют те пути, которые выбирал Сыромятников для преодоления непростой ситуации, в которой он оказался в 1920 г. в условиях разгрома колчаковских армий, провала сделанной им ставки на антиколчаковские силы небольшевистского толка и неожиданного попадания в красный плен. В 1938 г. у Сыромятникова отсутствовала сколько-нибудь серьезная возможность вести игру со следствием: его показания никого не интересовали.